

Курьеры и телетайп. Каналы коммуникации между Москвой и советским полпредством в Берлине в 1918 г.

Александр Ватлин

Couriers and a teletype. Channels of communication between Moscow and the Soviet embassy in Berlin in 1918

*Alexander Vatlin
(Lomonosov Moscow State University, Russia)*

DOI: 10.31857/S2949124X25020239, EDN: EDBFRP

Первая мировая война сфокусировала в одной точке три процесса, синергетика которых предопределила дальнейший ход истории. Речь идёт о научно-техническом прогрессе, кардинальной перестройке механизма принятия военно-политических решений и резком расширении числа акторов, в него вовлечённых. На протяжении четырёх военных лет старое соседствовало с новым, уступая ему дорогу или блокируя его рост, что приводило как к прорывам на линии фронта, так и к радикальным изменениям во всех сферах общественной жизни.

В данной статье речь пойдёт о важном аспекте данного переплетения — «коммуникационной революции», представленной на примере каналов и способов обмена информацией между дипломатическим представительством Советской России в Берлине и руководством страны. Открытие посольств было зафиксировано в статье X Брестского мирного договора, подписанного 3 марта 1918 г.¹ После нескольких лет военного противостояния России и Германии правительствам двух стран буквально с нуля пришлось восстанавливать разрушенные до основания отношения, что не в последнюю очередь включало в себя и их материальную составляющую — железные дороги и телеграфные линии.

Советское полпредство, которое возглавил обративший на себя внимание во время переговоров в Бресте А.А. Иоффе, просуществовало с конца апреля до начала ноября 1918 г., перипетии его работы нашли развёрнутое отражение в недавно опубликованном сборнике документов². Объём книги не позволил уделить достаточное внимание организационно-технической стороне дипломатических отношений, которая в ряде случаев оказывала непосредственное воздействие на принятие политических решений. Коммуникации (или их отсутствие) нередко оказывались в центре внимания уникальной исторической драмы, в которой столкнулись вчерашний и завтрашний день, отсталость и прогресс, стабилизирующая сила традиций и безрассудная смелость новизны.

© 2025 г. А.Ю. Ватлин

¹ См.: Документы внешней политики СССР. Т. 1. М., 1957. С. 123.

² Берлинская миссия полпреда Иоффе 1918 г. Документы / Сост. А.Ю. Ватлин, Л.В. Ланник, Т. Пентер. М., 2023.

Использование радиосвязи. 23 апреля 1918 г. (далее год в датах опускается) около 30 сотрудников советской дипломатической миссии прибыли в Берлин и разместились в отелях «Адлон» и «Элит». Иоффе сразу же вступил в борьбу за возвращение исторического здания российского посольства, на которое претендовали посланцы Украинской народной республики, прибывшие раньше. Установление прочной связи с Москвой также являлось неотложной задачей, без решения которой о полноценной деятельности дипломатической миссии не могло быть и речи. Потенциально полпред мог рассчитывать как на традиционную службу дипкурьеров, так и на использование новейших технических средств — радио и телеграфа, которые постоянно совершенствовались и ещё накануне войны стали неотъемлемой частью системы дальних коммуникаций.

На первых порах электрические средства связи использовались только спорадически. Телеграф требовал «прямого провода» от Берлина до Москвы — таковой имелся в довоенные годы, но был разрушен в регионах, где велись боевые действия. В багаже посольства не было собственной радиостанции — в то время они были настолько громоздкими, что устанавливались в отдельных зданиях или на крупных кораблях. Кроме того, даже лучшие образцы обладали недостаточной надёжностью и дальностью для того, чтобы напрямую связать две столицы. Радиogramмы между ними, как по эстафете, передавались от станции к станции, ретрансляторы находились в Кёнигсберге, Либаве или Варшаве. Это приводило к тому, что радиосообщения доходили до адресата, как правило, только на второй-третий день (иногда и через неделю).

24 апреля нарком иностранных дел Г.В. Чичерин подтвердил получение из полпредства первых радиogramм³. Через три дня и Иоффе поблагодарил германских дипломатов за переданные телеграммы из Москвы (он называл их «беспроводные депеши»), принятые радиостанцией военно-морского ведомства⁴. 29 апреля Адмиралштаб направил в МИД список первых радиogramм Чичерина, одновременно согласовав модус своего участия в радиообмене⁵. Вскоре в служебном жаргоне Иоффе появилось выражение «послал через генералов», под которым подразумевались донесения, отправляемые через военные радиостанции.

Задержки в коммуникации далеко не всегда имели технический характер. Заместитель наркома Л.М. Карахан писал полпреду 21 мая: «У нас есть уверенность, что некоторые радио немцы Вам передают, сознательно задерживая»⁶. В отличие от телеграфных сообщений, оперативно контролировать получение отправленных из Москвы радиogramм (обычно адресаты указывались, но иногда это были обращения «всем, всем, всем») оказалось невозможно, хотя Чичерин регулярно запрашивал Иоффе, получил ли он то или иное сообщение. «Отсутствие от Вас через два дня подтверждения будем рассматривать как доказательство неполучения Вами радиogramм», — телеграфировал нарком 29 апреля⁷.

Знакомый по дореволюционной работе с дипломатической практикой Чичерин, так и не получив запрошенной информации из Берлина, предлагал уси-

³ АВП РФ, ф. 04, оп. 13, п. 70, д. 992, л. 1.

⁴ Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes (далее — PAAA). RZ 201/1727/006.

⁵ Речь шла о радиogramмах № 118–120 (PAAA. RZ 201/1727/034).

⁶ АВП РФ, ф. 04, оп. 13, п. 70, д. 995, л. 1 об.

⁷ Там же, ф. 82, оп. 1, п. 5, д. 26, л. 41.

лить нажим на германское посольство: «Мы до сих пор не знаем, передаётся ли Вам германским правительством всё то, что мы Вам посылаем по радио или те копии наших радиий германскому правительству, на которых мы надписываем, что копия должна быть передана Вам. Нам необходимо это знать, чтобы знать, как отнестись к сношениям здешней германской миссии с германским правительством. Разумеется, в наших интересах, чтобы сношения с Вами были беспрепятственны, и поэтому мы стоим за самые либеральные отношения к требованиям германской миссии здесь, лишь бы Вы пользовались полной взаимностью»⁸.

Получив после захвата власти доступ к радиосвязи, большевики стали активно использовать её для распространения в Европе сообщений советских газет об успехах пролетарской диктатуры и победах Красной армии. С открытием полпредства в Берлине у такого рода радиোগрамм появился легальный адресат, хотя прочесть их мог любой радист. Это вызвало недовольство первого генерал-квартирмейстера Э. Людендорфа, который в телеграмме от 6 мая в приказном порядке потребовал от статс-секретаря по иностранным делам Р. фон Кюльмана «закрыть для Иоффе доступ к передаче сообщений через наши радиостанции»⁹. О том, что подобного рода акции продолжались и в дальнейшем, свидетельствует адресованная Чичерину нота германского посла в Москве графа В. фон Мирбаха от 6 июня, в которой говорилось о том, что под прикрытием переписки с полпредством советское правительство «ведёт открытую пропаганду против Германии», а данный факт является нарушением второй статьи Брестского мирного договора¹⁰.

После налаживания телеграфного сообщения радиоканал связи отошёл на второй план, хотя Иоффе продолжал получать радиোগраммы вплоть до своего вынужденного отъезда из Берлина. Сам он прекратил передачу сообщений по радио сразу же после появления «прямого провода». Его последняя радиোগрамма № 30 была датирована 12 июня и транслировала ноту МИД, т.е. не содержала никакой полезной германской стороне информации. Она добралась до Москвы только через три дня, в очередной раз продемонстрировав неэффективность данного канала коммуникации¹¹.

Для НКВД, в отличие от берлинского полпредства, радиосвязь сохраняла своё значение на протяжении всего 1918 г., позволяя как рассылать за рубеж пропагандистские материалы, так и компенсировать отсутствие телеграфного сообщения со странами Антанты. 3 сентября Чичерин в последний раз призвал Иоффе к налаживанию строгого учёта в этой сфере: «Вам однажды был послан список квитанций, т.е. точных обозначений момента получения наших радио в Науэне. Я несколько раз спрашивал Вас, получены ли все эти радио. Необходимо выяснить, как функционирует этот способ сообщения. Вы ничего не ответили. Между тем это нам нужно знать. Теперь номера [наших] радио дошли уже до 424»¹².

Лишь после краха империи Гогенцоллернов и начала Германской революции радиосвязь вновь — и надолго — стала единственным каналом, который ис-

⁸ Там же, ф. 04, оп. 13, п. 70, д. 992, л. 2.

⁹ PAAA. RZ 201/1727/.

¹⁰ Idem. RZ 201/2003/282–284.

¹¹ АВП РФ, ф. 82, оп. 1, п. 10, д. 43, л. 48; ф. 165, оп. 1, п. 3, д. 19, л. 42.

¹² Там же, ф. 82, оп. 1, п. 7, д. 32, л. 17. В г. Науэн под Берлином находилась главная радиостанция ВМФ Германии.

пользовали дипломаты двух стран. Через полгода после разрыва дипломатических отношений между ними в Москве было решено построить в «чрезвычайно срочном порядке» оборудованную по последнему слову техники радиостанцию, ключевым элементом которой явилась «башня Шухова» на Шаболовке.

Долгий путь к аппарату Юза. Ещё до прихода к власти большевики отдавали себе отчёт в том, каким влиянием обладают электрические средства связи. Известна фраза В.И. Ленина, что в ходе вооружённого восстания необходимо, чтобы «непрерывно были заняты и ценой каких угодно потерь были удержаны: а) телефон, б) телеграф»¹³. Понимали значение телеграфной связи и в Берлине — персонал германского посольства привёз в Москву новейшую модель аппарата Юза. Этот предшественник современного телетайпа выдавал ленту с напечатанным текстом, который наклеивался на телеграфные бланки. Очевидно, немецкие связисты ещё до обмена посольствами наладили телеграфную связь на оккупированной территории, причём она пересекала демаркационную линию, поскольку первые телеграммы отправлялись сотрудниками советского полпредства прямо с Берлинского почтамта¹⁴. Естественно, ни о какой секретности в данном случае не могло быть и речи.

Аппарат Юза, начавший функционировать в здании посольства Германии в Денежном переулке, работал и на советскую внешнюю политику. Чичерину неоднократно приходилось отправляться на поклон к Мирбаху, для того чтобы провести срочные переговоры с Иоффе. Последний, быстро освоив правила дипломатического этикета, потребовал к себе такого же отношения, какое проявлялось к его немецким коллегам в Москве. 2 мая он писал Чичерину: «Прошу Вас, не сноситесь Вы со здешним правительством по радио: это путает карты; если что нужно, сноситесь через меня... Вы напрасно дали Мирбаху Юз, раз у меня нет. Я запросил их, но ответа ещё не получил. Сегодня ни по Юзу, ни по Морзу (т.е. по радио. — *А.В.*) с Вами сговориться не удалось»¹⁵.

Нарком расставлял акценты иначе, требуя от Иоффе в письме от 8 мая решить вопрос о «прямом проводе» на месте, поскольку тот отсутствовал на территории, оккупированной германскими войсками: «Здесь мы даём Мирбаху возможность беспрепятственно сноситься с германским правительством телеграммами. Когда телеграф будет действовать до Берлина, Мирбах будет иметь прямой провод. К сожалению, между Оршей и Берлином всё ещё наблюдается порча телеграфной линии. Все эти льготы Мирбаху даются под условием взаимности... На установление быстрых сношений с Берлином надо обратить особенное внимание. Постарайтесь, чтобы телеграфная линия на немецкой территории была приведена в порядок»¹⁶.

Полной зеркальности в системе коммуникаций советским дипломатам добиться так и не удалось — сказывались русская медлительность и бюрократизм создаваемого большевиками государственного аппарата. 8 мая Иоффе, ссылаясь на полученное согласие германских властей, просил Москву срочно прислать два новейших аппарата Юза, двух телеграфистов, причём одного из них — со знанием немецкого языка¹⁷. Сообщая полпреду в Германии об отъезде

¹³ Ленин В.И. ПСС. Т. 34. М., 1969. С. 384.

¹⁴ См. оригиналы телеграмм на бланке немецкой почты: АВП РФ, ф. 82, оп. 1, п. 5, д. 26.

¹⁵ Там же, ф. 04, оп. 13, п. 70, д. 987, л. 29 об.

¹⁶ Там же, д. 992, л. 11.

¹⁷ Там же, д. 987, л. 31.

запрошенных специалистов через два дня, нарком в очередной раз подчеркнул, что постоянный тесный контакт с ним «абсолютно необходим»¹⁸.

Однако потребовалось ещё больше месяца, чтобы мечта полпреда о «собственном Юзе» воплотилась в жизнь — германская сторона прекрасно владела тактикой бюрократических проволочек. 25 мая МИД сообщил в ответ на запрос полпредства, что технической возможности установить «прямой провод» не имеется, указав, что и германское посольство в Москве пользуется общей линией, не имея выделенного канала. Дело ограничилось обещанием, что из здания полпредства будет сделана врезка к военному телеграфу, и по запросу можно организовать связь с Наркоматом иностранных дел¹⁹.

Хотя это было достаточно унижительно, Иоффе или его сотрудники каждый день отправлялись в центр телеграфной связи в здании МИД на Вильгельмштрассе, ожидая последних известий из Москвы и реагируя на поступающие оттуда просьбы и указания. Распад Российской империи привёл к тому, что некогда единое коммуникационное пространство разделили непроходимые барьеры, и связаться с Закавказьем оказалось проще через Берлин, нежели по географической прямой²⁰.

Курьерская скорость. Если надёжность радиосвязи зависела от мощности радиостанций, телеграфного сообщения — от наличия «прямого провода», то качество курьерской службы определялось состоянием железнодорожной сети между Берлином и Москвой. Помимо военных разрушений и реквизиции подвижного состава в ходе весеннего немецкого наступления на Восточном фронте (операция «Фаустшлаг») немалые трудности представляла собой и необходимость «переобувать» вагоны на более широкую «русскую колею».

Неприкосновенность дипломатической почты обеспечивалась тем, что её в равной степени использовали обе стороны, и в случае любого ЧП оппонент гарантированно прибегнул бы к зеркальным репрессиям. Иоффе не сомневался в том, что в критической ситуации курьер успеет уничтожить его политические доклады и личные письма Ленину. Все они отправлялись незашифрованными в обычных конвертах, как правило, в одном экземпляре, иногда даже рукописном, размножались и рассылались по указанным в шапке адресам лишь в Москве. Надёжность дипкурьеров не была абсолютной, иногда приходилось принимать во внимание и их неумеренное «расслабление» после выполненной работы²¹.

Не столь важным, но весьма приятным плюсом курьерской доставки являлась возможность передавать дефицитные материалы и вещи. К. Радек, ставший по протекции Иоффе заведующим отделом Центральной Европы в Наркоминделе, возмущался не столько медлительностью курьеров, сколько тем, что в своей почте они не привозят заказанного им газетного и книжного ма-

¹⁸ Там же, д. 992, л. 14. Первая группа «юзистов» так и не доехала до Берлина. Очевидно, они были мобилизованы военными властями где-то по пути следования.

¹⁹ Там же, д. 998, л. 8.

²⁰ «Ввиду трудности сообщения с Тифлисом будьте добры передать правительству Чхенкели наше приглашение послать делегата для переговоров во Владикавказ», — просил нарком полпреда 27 мая 1918 г. (Там же, ф. 028, оп. 1, п. 102, д. 59453, л. 40).

²¹ «Так как присланный Вами курьер был пьян, как стелька, и вчера выехать не мог, то сегодня препровождаю его арестованным в Ваше распоряжение и пользуюсь случаем, чтобы кое-что добавить к вчерашнему докладу», — писал Иоффе 24 июля (Берлинская миссия... С. 281).

териала²². Он просил также прислать канцтовары, Чичерин заказывал телеграфную ленту и «краски для Морзе»²³. Третьим по значению дефицитом был качественный табак. 28 мая заместитель наркома Карахан писал Иоффе: «Сигары хороши, посылайте ещё. А то я поручаю покупать курьерам. Покупают дрянно»²⁴. Дипкурьерам приходилось выполнять личные заказы высокопоставленных лиц, адресованные напрямую полпреду, будь то наручные часы или детские вещи. В ответ их начальство закрывало глаза на то, что они провозили с собой в Москву немецкие товары «для личного пользования», которые оказывались в продаже на чёрных рынках.

Лишь к концу лета потребности начальства стали удовлетворять многочисленные командированные из Москвы, нашествие которых вызывало справедливые нарекания сотрудников полпредства и самого Иоффе. Отвечая 6 июля на запрос НКВД, он описал невероятный беспорядок, царивший в этой сфере: «Иной раз сразу прибывает по шесть курьеров, из которых каждый заявляет, что имеет специальное поручение». Кроме того, курьеры занимались по приезде коммерцией и устраивали личные дела, исчезая на несколько дней, поскольку свои дипломатические паспорта они получали «на основании личных знакомств или родственных отношений»²⁵. Коллега Иоффе в Швейцарии Я. Берзин писал в Москву о том же самом: «Теперь положение создалось ужасно нелепое: приезжает к нам такая уйма “курьеров”, “переводчиц”, “юрисконсультов” и т.д., что уже создалось у швейцарцев и немцев очень подозрительное отношение. Несомненно, это было одной из главных причин, мешавших нам установить действительную курьерскую службу»²⁶.

В то же время приезжавшие из Советской России в гости и по делам дополняли ту хрупкую систему коммуникаций, которая только начинала выстраиваться между полпредством и Наркоматом иностранных дел. В переписке упоминаются секретные документы, проекты соглашений, большие суммы денег и образцы товаров, которые «захватывали» с собой приезжавшие. Особое значение имели приезды лиц, входивших в узкий круг большевистского руководства. Стоит назвать Н.И. Бухарина, за полгода приезжавшего в Берлин дважды, Ф.Э. Дзержинского, побывавшего там инкогнито, наркома юстиции П.И. Стучку, Л.Б. Красина, задержавшегося на два месяца и ставшего «правой рукой» полпреда. О реальном положении дел на фронтах Гражданской войны Иоффе узнал напрямую от В.А. Антонова-Овсеенко, представлявшего Реввоенсовет, о положении дел в социалистическом движении европейских стран — от секретаря Циммервальдского движения А. Балабановой. Большинство из них были анонсированы самим Чичериным. Сообщая о скором приезде Х.Г. Раковского, нарком писал Иоффе 17 октября, что тот «очень многое передаст... Вам лично, что более удобно»²⁷.

²² АВП РФ, ф. 165, оп. 1, п. 3, д. 21, л. 51.

²³ Там же, ф. 82, оп. 1, п. 5, д. 27, л. 156.

²⁴ Там же, ф. 04, оп. 13, п. 70, д. 995, л. 4.

²⁵ Там же, ф. 82, оп. 1, п. 10, д. 44, л. 9–10.

²⁶ РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2164, л. 15. Берзин в своей переписке с НКВД несколько раз обращался к больной теме: «Прошу и настаиваю, чтобы нашим дип[ломатическим] курьерам было отдано категорическое распоряжение не принимать никаких частных поручений (покупка шоколада, ботинок, нижнего белья и проч.)» (Там же, л. 79).

²⁷ АВП РФ, ф. 82, оп. 1, п. 8, д. 36, л. 89.

Никто из них, конечно, не мог заменить курьеров, работа которых была связана с риском для жизни, прежде всего при переходе демаркационной линии. Главным же минусом курьерского сообщения являлось то, что его скорость оказалась несопоставима с темпом событий на исходе Первой мировой войны. Путь в Москву или в Берлин занимал не менее двух суток²⁸, с учётом необходимого отдыха в конечных точках «оборачиваемость» курьеров можно оценить как минимум в одну неделю. Особенно долго добирались до пункта назначения первые отправки дипломатической почты. Так, Чичерин лишь 13 мая подтвердил получение политического доклада, датированного 2 мая²⁹. Ситуация не имела тенденции к улучшению — через две недели нарком телеграфировал в Берлин, что прибывший 20 мая курьер не привёз с собой никаких политических донесений, и настаивал: «Просим немедленно выслать весь материал с 14 мая и назначить ответственное лицо для посылки два раза в неделю газет и всех вообще сведений»³⁰.

Отвечая давлению Москвы, Иоффе сетовал на то, что в его распоряжении находятся только два курьера, которые не в состоянии обеспечить стабильный поток информации. О том, в какой спешке готовились и отправлялись политические доклады, свидетельствуют обрывы писем на полуслове. Их авторы объясняли это тем, что курьер должен срочно отправляться на вокзал. Случалось и так, что свободного курьера не удавалось найти в течение нескольких дней, и полпред постоянно добавлял в свои донесения самые свежие известия. В итоге они почти наполовину состояли из постскриптумов³¹.

Перебои со связью и судьба Черноморского флота. Задержки с отправкой курьеров и длительность их пребывания в пути сказывались на тональности инструкций и директив, которые полпред получал из Москвы, а порой усугубляли и без того обострённые до предела отношения Советской России и кайзеровской Германии. Зачастую первая часть доставленного с курьером письма противоречила его заключению. Получив «сердитое письмо» Иоффе, написанное 20 мая, только три дня спустя, Ленин не успел сразу на него ответить до отъезда курьера. 24 мая он дал благожелательную оценку инициативам полпреда («политику Вашу я вполне одобряю»), а в постскриптуме, написанном 28 мая и отправленном вместе с письмом, подверг его действия самой жёсткой критике, обращаясь к полпреду в третьем лице: «Как мог Иоффе сделать такую ошибку? Как мог он так “продешевить”?»³².

Речь шла о германском ультиматуме с требованием возвращения в Севастополь кораблей Черноморского флота, ушедших в Новороссийск. Данный сюжет и по сей день продолжает вызывать большой интерес в отечественной историографии³³. Мирбах сообщил об этом Чичерину 10 мая, и в тот же день

²⁸ Даже в июле 1918 г., когда ситуация с железнодорожным сообщением между странами несколько нормализовалась, генерал С.И. Одинцов, командированный из Москвы для участия в похоронах Мирбаха, выехал в Германию 9 июля в 8.45 и прибыл в Берлин только 11 июля в полдень (Там же, ф. 04, оп. 1, п. 71, д. 1006, л. 7).

²⁹ Там же, оп. 13, п. 70, д. 992, л. 14.

³⁰ Там же, ф. 165, оп. 1, п. 3, д. 19, л. 30.

³¹ Так, письмо Иоффе Ленину от 1 июня содержит четыре приписки, датированные 2–4 июня 1918 г. (Берлинская миссия... С. 166–173).

³² Ленин В.И. ПСС. Т. 50. М., 1982. С. 80–81.

³³ См., например: Войтиков С.С. Брестский мир и гибель Черноморского флота. М., 2020; Ланник Л.В. Непосильная гегемония. Германская империя на фронтах Гражданской войны в России. СПб., 2023. С. 240–259.

нарком отправил радиogramму в Берлин: «Мы готовы предпринять шаги, чтобы в случае, если русский флот находится в Новороссийске, обезопасить германский флот от нападений на него... Граф Мирбах обещал нам сегодня в ближайшие дни дать ответ на все затронутые нами вопросы, который нас успокоит. Настаивайте, чтобы этот ответ не был [просто] успокоителен, а фактически внёс успокоение»³⁴.

Иоффе, не имея оперативных инструкций из Москвы и уступая ежедневному давлению своих немецких оппонентов, 15 мая самостоятельно сформулировал и направил германским властям ноту с согласием вернуть военные суда «при условии твёрдой гарантии от имперского правительства Германии, что продвижение украинско-германских войск будет прекращено, и эти корабли в любом случае останутся в собственности РФ и будут немедленно возвращены»³⁵. Ответа на эту ноту ему пришлось ожидать больше недели, пока шёл интенсивный процесс согласования позиций германских военных и дипломатов³⁶.

Получив с недельным запозданием информацию о ноте полпреда, Чичерин не поверил в то, что его подчинённый предпринял подобный шаг без консультации с Москвой и 21 мая радиографировал: «Ваше радио непонятно. Повторяю нашу точку зрения о Черноморском флоте. Наше предложение есть разоружение его в Новороссийске и вообще гарантия, что [он] не нападёт на немцев и их союзников. Только в крайнем случае мы согласны на его возвращение в Севастополь под двумя условиями: первое, повсеместное замирение и соглашение на севере и юге; второе, чтобы при таком соглашении Севастополь не был в руках германцев или их союзников, это неперемное условие»³⁷.

Столь жёсткие формулировки, ранее уже озвученные Чичериным Мирбаху³⁸ и плохо соотносившиеся с реальным положением дел на российском Юге, не нашли понимания в немецкой Ставке, и внешнеполитическое ведомство получило твёрдую директиву добиться принятия германских требований. Иоффе понимал, что ставить вопрос об уходе немцев из Севастополя нереалистично³⁹, предлагая искать компромисс. Основанная на его условиях ответная нота германского МИД от 23 мая была отправлена полпредом по радио (телеграф не работал), но «затерялась» в эфире и прибыла в Москву с курьером только 28 мая⁴⁰. В этой связи Чичерин выразил Мирбаху протест, что «прямой

³⁴ АВП РФ, ф. 82, оп. 1, п. 5, д. 26, л. 101. На следующий день радиogramма была продублирована (Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 284), между документами имеются незначительные расхождения. Данных о передаче этих сообщений Иоффе в германских архивах не имеется.

³⁵ РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 1995, л. 1. На встрече со статс-секретарём Кюльманом Иоффе повторил данную формулировку (Берлинская миссия... С. 134–135).

³⁶ Подробнее см.: *Baumgart W.* Deutsche Ostpolitik 1918: von Brest-Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges. Wien; München, 1966. S. 158–165.

³⁷ АВП РФ, ф. 82 оп. 1, п. 5, д. 26, л. 181. В архиве германского МИД в приложении к данному документу сохранилась записка, свидетельствующая о цензуре и избирательном подходе к передаче сообщений советскому полпредству: «Следует ли эту радиogramму доставлять Иоффе?» (РААА. RZ 201/1727/131).

³⁸ См. ноту от 13 мая 1918 г.: Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 294–296.

³⁹ Позже он возвращал упрёк Ленину и Чичерину: «Если я тут продешевил, то Вы с одинаковым правом можете утверждать, что я продешевил, не потребовав от немцев отдачи нам Берлина... Я здесь именно для того, чтобы добиваться от немцев того, что возможно, но не для того, чтобы разыгрывать комедии собственной непримиримости» (Берлинская миссия... С. 215).

⁴⁰ Нота содержала ремарку Иоффе: «Это было сообщено Вам по радио, ответа нет, очень важно его иметь» (АВП РФ, ф. 04, оп. 13, п. 71, д. 998, л. 4).

провод русского правительства с Берлином до сих пор не действует на германской территории... и в настоящее время приходится заявить, что дальнейшее продолжение нынешнего положения дел приводит к самым нежелательным результатам»⁴¹.

Очередная заминка в работе телеграфа заставила полпреда действовать на свой страх и риск. Всё ещё оставаясь в неведении относительно позиции Совнаркома, он продолжал отправлять в Москву сообщения о своих дальнейших шагах: «В субботу [25 мая] у меня опять [будет] свидание с Кюльманом, буду самым решительным образом требовать немедленного прекращения войны, в случае согласия дать гарантию о новороссийских судах, думаю, можно согласиться на их возвращение в Севастополь»⁴². Чичерин узнал о германской ноте от 23 мая не из застрявших в эфире донесений Иоффе, а от германского посла: «Мирбах сообщил нам ответную ноту барона Кюльмана на Вашу ноту о возвращении Ч[ерноморского] ф[лота] в Севастополь. От Вас мы этой ответной ноты не получили. Как мы уже указывали, Ваше предложение не совпадает с принятым правительством решением»⁴³. С соответствующим комментарием шокирующую новость нарком доложил Ленину, что и вызвало процитированный выше постскриптум.

Получив поддержку вождя, Чичерин превратил техническое недоразумение в политическую ошибку. Плохая связь не оправдывает излишней уступчивости и готовности отдать немцам наши корабли, укорял он Иоффе: «Вы... очень горячо защищаете интересы германского дипломатического ведомства». Вновь действующими лицами исторической драмы оказывались радиосвязь и человеческий фактор. Наше «решение было Вам сейчас же передано по радио, может быть, радио замедлилось. Возможно, что оно было шифрованное и не было разобрано Вашими шифровальщиками, деталей сейчас не помню». В результате «получилось расхождение между нами и Вами, довольно неприятное... Если флот будет в руках Германии, то приманка этих великолепных дредноутов [будет] так велика, что вряд ли они откажутся от соблазна придумать какой-либо повод объявить соглашение нарушенным и захватить себе эти суда». Кроме того, возвращение флота в Севастополь произведёт в странах Антанты фурор и перечеркнёт политику лавирования между двумя воюющими коалициями, которую проводила Советская Россия⁴⁴.

Обрисовав вероятный ход событий в случае, если они пойдут по сценарию полпреда, Чичерин всё же оставил окно для продолжения с ним конструктивного диалога в будущем: «Когда будут юзисты, острота этого вопроса исчезнет. Вы жалуетесь, что мы не отозвались на Ваш общий политический план. По радио отвечать на это нельзя было, но с ближайшим курьером я Вам ответил на Ваше донесение по этому вопросу... При меньшем оптимизме мы, однако, разделяем Вашу линию и таким образом расхождения нет. Разница только в ме-

⁴¹ Об этом Чичерин радиограммой сообщил Иоффе 29 мая 1918 г. (Там же, ф. 82, оп. 1, п. 5, д. 26, л. 260).

⁴² Там же, ф. 04, оп. 13, п. 70, д. 987, л. 54–54 об. Чичерин подтвердил получение этого сообщения лишь 31 мая 1918 г.

⁴³ Там же, ф. 028, оп. 1, п. 102, д. 59453, л. 42.

⁴⁴ Так и случилось в сентябре 1918 г., когда на вернувшиеся в Севастополь корабли отправились немецкие экипажи и началась активная подготовка судов к защите черноморской акватории от вероятного вторжения флота Антанты после капитуляции Османской империи (Берлинская миссия... С. 432–433, 454–455, 457).

тодах, как это обнаружилось в том, что мы решили с самого начала раскрыть наши карты»⁴⁵.

Несмотря на подслащённую пилюлю, Иоффе был отстранён от переговоров о судьбе Черноморского флота, которые переместились в Москву. 29 мая Чичерин направил Мирбаху ноту, в которой подтвердил, что возвращение кораблей в Севастополь возможно только при условии, что этот город «не оставался бы в руках Германии и её союзников». Если это невозможно, нарком просил предложить устраивающие германскую сторону гарантии пребывания флота в Новороссийске⁴⁶. Ставка делалась на максимальное затягивание переговоров вплоть до последнего ультиматума германской стороны, что весьма напоминало тактику советской делегации в Бресте.

Иоффе не оставалось ничего иного, как перейти в контрнаступление, отбросив ведомственную субординацию. В политическом докладе в НКВД, датированном 31 мая, он писал: «Непринятие и невозвращение судов в Севастополь непременно означает продолжение наступления, падение Новороссийска и захват этих судов уже без всяких гарантий». Этот вывод получал глобальное обоснование: «Нужно считаться с тем, что среди влиятельных кругов Германии существует предвзятое убеждение, что большевики по мнению одних — идеалисты и фантазёры, по мнению других — грабители и разбойники, но что во всяком случае с ними никакой реальной политики вести невозможно, их власть висит на волоске, и поэтому нужно самим брать всё то, что возможно взять»⁴⁷.

Такие оценки, да ещё и направленные с курьером, уже не могли поменять настроений в Москве. Взаимные обвинения и поиск виновных не отменяли очевидного: сил для того, чтобы отвергнуть требования германской стороны, у Советской России не было, и очередной ультиматум поставил перед ней крайне жёсткие условия — вернуть флот в течение десяти дней. Германская сторона, опираясь на военную силу, вновь стала диктовать свои условия, грозя перейти от слов к делу.

В Москве на сей раз решили не повторять ошибки Бреста. Иоффе был тихо реабилитирован, 2 июня Ленин написал ему развёрнутое письмо, не содержащее никаких упреков⁴⁸. На следующий день подключился и Чичерин: «Принципиально мы соглашаемся на возвращение флота в Севастополь, разница только в условиях. Нам, очевидно, придётся решиться принять Вашу формулировку». Нарком признавал, что в разногласиях виновато отсутствие надёжного телеграфного сообщения, но в очередной раз не удержался от наставлений: «Ваше дело настаивать в Берлине, чтобы наш провод на немецкой территории не был длительно испорчен... Только тогда, когда мы с Вами будем непосредственно связаны, мы избежим таких роковых “квипрокво”, как происходящие теперь по поводу Черноморского флота»⁴⁹. 4 июня Чичерин написал обстоятельную телеграмму Иоффе, продублировав её по радио. Политические обвинения были сняты, осталась лишь несогласованность действий, произошедшая из-за плохой связи.

⁴⁵ АВП РФ, ф. 04, оп. 13, п. 70, д. 992, л. 33–35.

⁴⁶ Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 330–331.

⁴⁷ Берлинская миссия... С. 160, 161.

⁴⁸ Ленин В.И. ПСС. Т. 50. С. 87–88.

⁴⁹ АВП РФ, ф. 04, оп. 13, п. 70, д. 992, л. 43. К этому моменту в Москве приняли принципиальное решение о затоплении кораблей, пришедших в Новороссийск, если не удастся спасти их от выдачи немцам.

Советская историография, помня о том, что «троцкист» Иоффе вычеркнут из пантеона дипломатов революционной эпохи, не повторяла подобных оценок, хотя они содержались и в последующей переписке наркома и полпреда. 10 сентября Чичерин телеграфировал Иоффе: «Не снесясь с нами, Вы в Вашей ноте 23 мая изъявили согласие на возвращение новороссийских судов без эвакуации Севастополя; когда Мирбах потом вернулся к этому вопросу, и я продолжал ставить условием эвакуацию Севастополя, он мне противопоставил Ваше заявление. Кюльман после этого протелеграфировал Мирбаху, что не может допустить, чтобы был один язык в Москве, другой — в Берлине. После повторных попыток уклониться от принятия уже выставленной Вами формулировки — попыток, вызвавших с Вашей стороны поток нареканий, — мы, наконец, были вынуждены принять выставленную Вами в Вашей ноте формулировку»⁵⁰.

В ходе дальнейших событий, закончившихся потоплением части эскадры в Цемесской бухте, важную роль сыграло нарушение телеграфной связи между Москвой и Новороссийском вследствие резкого изменения обстановки на фронтах⁵¹. Оно отчасти повторяло дефицит коммуникации между Москвой и Берлином, имевший как техническую, так и личную составляющую. Суть проблемы в переписке с полпредом кратко изложил 10 июня Чичерин: «Пока мы с Вами не связаны, всё идёт скверно». 14 июня он выразился более развёрнуто: «Если бы у нас был Юз и наши выступления были скоординированы, то удалось бы избежать этого поражения»⁵². Германская сторона в тот момент обладала явным преимуществом: на обоих концах «прямого провода» находились немецкие телеграфисты, его «обрывы» случались именно тогда, когда это было выгодно Берлину, им же на несколько дней блокировался радиообмен. Летом 1914 г. отсутствие должного внимания к потенциалу электрических средств связи стало одним из факторов развязывания Первой мировой войны⁵³, спустя четыре года манипулирование ими превратилось в немаловажное оружие на дипломатическом фронте.

Переговоры по «прямому проводу». 3 июня, накануне очередного германского ультиматума, Чичерин наставлял Иоффе: «Надеюсь, что Вы теперь поняли, что задержки происходят от невероятно долгого странствования радиотелеграмм, получающихся иногда на пятый, или даже на шестой день. Ещё один юзист едет к Вам. Абсолютно необходимо добиться прямого провода с нами. Раз у Вас есть юзист, в таком случае, если действовать на немецкой территории будет только провод, имеющийся у Мирбаха, мы в известные часы будем вместо него включать себя. Так или иначе, раз он имеет провод, мы должны также его иметь. Но Ваше дело настаивать в Берлине, чтобы наш провод на немецкой территории не был длительно испорчен»⁵⁴.

В конце концов, просьбы и требования полпреда возымели своё действие. Полученный из Москвы аппарат Юза был присоединён к телеграфной линии. Первый «разговор по Юзу», как говорили тогда, состоялся вечером 12 июня. То, что у аппарата в отеле «Метрополь» собралось руководство

⁵⁰ Там же, д. 993, л. 33.

⁵¹ См.: Ланник Л. В. Непосильная гегемония... С. 247–250.

⁵² АВП РФ, ф. 04, оп. 13, п. 70, д. 992, л. 58, 65.

⁵³ См.: Кларк К. Сомнамбулы. Как Европа пришла к войне в 1914 году. М., 2023. С. 508–583, 652–663.

⁵⁴ АВП РФ, ф. 04, оп. 13, п. 70, д. 992, л. 43.

Наркоминдела, подчёркивало торжественность и важность момента. Иоффе проинформировал своих собеседников о высадке с кораблей значительного красноармейского десанта в тыл германских войск, а также подтвердил, что если корабли Черноморского флота не вернутся в Севастополь, немцы возобновят своё наступление на Северном Кавказе⁵⁵. Полпред почувствовал не только значение, но и удобство нового канала связи: «За исключением визитов я всё время дома, и можете звать когда захотите, в крайнем случае придётся немного подождать»⁵⁶. Чичерин также имел все основания для того, чтобы облегчённо вздохнуть: «Начавшиеся с Вами сношения по Юзу облегчают мою задачу»⁵⁷.

Уже на следующий день Иоффе имел беседу с Кремлём, передав Ленину и Троцкому свои оценки соотношения сил в германской правящей элите, из которых вытекала возможность мирного разрешения конфликта с черноморскими кораблями. Полпред пришёл к такому выводу: «Всё несчастье, что военные не хотят спеться с дипломатией, но наоборот — подчиняют её себе, а последняя настолько мягкотела, что не может энергично противодействовать»⁵⁸. 15 июня в длительном разговоре с Чичериным по Юзу Иоффе вновь повторил свою позицию: несмотря на неудавшийся «красный десант» под Таганрогом⁵⁹, немцы наступать не будут, если советская сторона выполнит условия ультиматума. Следовало использовать тот факт, что в германской политической элите сохранялись «всё те же две ориентации, из которых одна оставляет себе лазейку для наступления, другая же искренне хочет мира»⁶⁰. Значение подобных оценок из «центра принятия решений» для выработки советской позиции трудно переоценить, тем более что передавались и воспринимались они в режиме реального времени.

Было бы преувеличением утверждать, что появление в здании полпредства аппарата Юза решило все проблемы оперативной коммуникации. «Прямой провод» между двумя столицами существовал в единственном числе, и дипломатам приходилось делить поровну время его использования. 22 июня, в момент обсуждения с полпредом деталей соглашения по обмену военнопленными, Чичерин был вынужден прервать разговор из-за того, что отведённое ему «окно» закончилось⁶¹. Иоффе пришлось заключать соглашение о возврате во-

⁵⁵ Там же, ф. 82, оп. 1, п. 9, д. 39, л. 31–40.

⁵⁶ Там же, л. 40. Собеседниками Иоффе в Москве предположительно были Чичерин, Карахан и Бронский. Из-за перебоев со связью или низкой квалификации телеграфистов ленту этих переговоров удалось расшифровать лишь фрагментарно, что не дало возможности её опубликовать.

⁵⁷ Там же, ф. 04, оп. 13, п. 70, д. 992, л. 64.

⁵⁸ Советско-германские отношения от Октябрьской революции до заключения Рапальского договора. Т. 1. М., 1968. С. 554–556. Оригинал телеграфной ленты см.: РГАСПИ, ф. 2, оп. 1, д. 5958, л. 1–5.

⁵⁹ См.: Красный десант. Эпизод революционной борьбы в 1918 г. с немецкими оккупантами в Таганрогском округе. Таганрог, 1927; *Миргородский А. В.* Красный десант 1918 года. СПб., 2022.

⁶⁰ Берлинская миссия... С. 193.

⁶¹ Осенью нарком отстаивал уже иную версию развития событий, в которой решающая роль была отведена стихии: «В тот вечер, когда Вы мне сообщили германское предложение, мы работали на одном проводе поочерёдно с Мирбахом и пришлось ждать своей очереди. Когда она дошла, из Берлинского посольства никто не отвечал на призыв, в эту ночь разразилась буря, после которой два дня не было провода. Когда мы получили опять этот провод, я немедленно сообщил Вам наше возражение, но оказалось, что Вы уже подписали протокол» (АВП РФ, ф. 04, оп. 13, п. 70, д. 993, л. 33).

еннопленных на свой страх и риск, что вызвало очередной взрыв возмущения его непосредственного начальника⁶².

Обращение к телеграфной ленте показывает, что сложившуюся ситуацию трактовала в свою пользу каждая из сторон. Пунктуальный Чичерин действительно прервал разговор на полуслове, но Иоффе успел подвести итог: «Передайте Ленину, в случае удачи этот протокол подпишу, худшего не приму, иначе невозможно, курьером подробно»⁶³. Подписание состоялось 24 июня, в Москву полетела сухая телеграмма: «Сегодня послал Вам оригиналы протоколов, телеграммы с предложением ждать инструкции не получил, ждать нельзя было»⁶⁴.

Чичерин имел достаточные основания считать, что, прикрываясь плохой связью, полпред принимал решения, превышающие его полномочия. В последующие дни вопрос о налаживании надёжной коммуникации вновь занял центральное место в их переписке. В письме от 24 июня нарком настаивал, чтобы у аппарата Юза было установлено круглосуточное дежурство: «При таком большом расстоянии и при нынешнем состоянии проводов, при недостатке новых проводов для замены старых происходят постоянные повреждения, и сношения по Юзу соединены с вечными перерывами и затруднениями, являются вещью очень капризной. Иногда целые сутки нельзя достать Берлин... Надо прибавить, что уровень наших техников очень невысок, а уровень их халатности непомерно высок. Днём стоять за их спиной я не могу, добраться до них и начать вливать в них энергию я могу только вечером, так что до Вашего посольства мы добираемся только ночью, и тогда оказывается, что у Вас при аппарате никого нет... В результате по несколько дней не удаётся говорить с Вами». Обвиняя телеграфистов, Чичерин припомнил пословицу из притч Соломоновых («Ленивый говорит — лев лежит перед порогом») и в конце отметил: «Немецкие телеграфисты сказали мне, что, по их мнению, дело пойдёт лучше, если несколько наших телеграфистов перестрелять»⁶⁵.

Несмотря на возможность провести прямые переговоры, в период максимального охлаждения личных отношений Иоффе и Чичерин ею не пользовались, обмениваясь краткими телеграммами. Последний не оставлял надежд выстроить хотя бы минимальную субординацию, используя различные каналы. 28 июня он писал полпреду: «В вашем последнем Юзе Вы делаете тот вывод, что когда отсюда нет возможности послать много материала, то в результате Вы считаете для себя возможным решать за центральное правительство, мы же, наоборот, находим, что в случае недостаточности посланного Вам материала, имеется налицо тем более оснований для ожидания решений центрального правительства»⁶⁶. Обратившись к Ленину, он добился принятия 1 июля постановления СНК, которое, с одной стороны, одобряло подписанный Иоффе протокол об обмене военнопленных, с другой — указывало полпреду на недопустимость самовольных действий в будущем. Контроль за выполнением этого решения был возложен на самого наркома⁶⁷.

⁶² См.: *Ватлин А.Ю.* Конфликты и компромиссы: заключение советско-германского соглашения об обмене военнопленных 24 июня 1918 г. Документальный очерк // *Интеллигенция и мир.* 2023. № 1. С. 155–178.

⁶³ РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2183, л. 4–5.

⁶⁴ АВП РФ, ф. 82, оп. 1, п. 12, д. 50, л. 36.

⁶⁵ Там же, ф. 04, оп. 13, п. 70, д. 992, л. 75.

⁶⁶ Там же, л. 80.

⁶⁷ ГА РФ, ф. Р-130, оп. 2, д. 2, л. 92.

Убийство левыми эсерами посла Мирбаха отодвинуло на второй план личный конфликт Чичерина и Иоффе. Советская Россия и кайзеровская Германия вновь оказались на волосок от возобновления полномасштабных боевых действий. Сохранились воспоминания первого секретаря полпредства Г.А. Соломона, которые рисуют эмоциональное состояние людей, чья связь с родиной приобретала материальное воплощение лишь в ленте телетайпа. Сотрудники бросились укладывать чемоданы, «день и ночь работал прямой провод. Иоффе поминутно вызывали из Москвы, и он часами не отходил от аппарата, беседуя с Комиссариатом иностранных дел». Настроение на другом конце провода было близко к паническому. «Иоффе, говоря со мной об этих переговорах с центром, презрительно заметил: “Они там совершенно потеряли голову. Вот смотрите”. И он дал мне прочесть телеграфную ленту своих переговоров по аппарату Юза. Было ясно, что у нас в центре царила полная растерянность», — вспоминал Соломон⁶⁸.

Доступность «прямого провода» стала средством дисциплинирования не только полпредства в целом, но и отдельных «командированных», ставивших под вопрос авторитет полпреда — на сей раз у рубильника находился сам Иоффе. В начале августа он запретил Ю.М. Ларину и Г.Я. Сокольникову, которые прибыли два месяца назад для подготовки дополнительных соглашений к Брестскому миру, отправлять телеграммы без его цензуры. Отстаивая собственную линию на переговорах, они блокировали их прогресс и устроили Иоффе форменную фронду. Лишение связи в тех условиях было равнозначно домашнему аресту. Ларин и Сокольников безуспешно жаловались Ленину, Чичерину и Радеку и вскоре вернулись в Москву⁶⁹.

Подводя итог «юзографии» между НКВД и берлинским полпредством в 1918 г., можно констатировать, что появившийся в середине июня телетайп быстро вытеснил остальные средства коммуникации. 8 сентября Иоффе наконец-то начал нумеровать свои «записки по Юзу», их оригиналы сохранились в особых тетрадах, где отмечена дата их написания⁷⁰. Время отправки печаталось на ленте, а приёма — фиксировалось телеграфистами вручную, что позволяет историкам вплоть до минут реконструировать процесс принятия тех или иных решений в здании полпредства на Унтер-ден-Линден и в московском отеле «Метрополь», где в то время находился Наркоминдел.

Благодаря разработанным задолго до Первой мировой войны технологиям электрических коммуникаций темп обмена дипломатической информацией в 1918 г. мало чем отличался от современного. Но были и две важные особенности, которые следует учитывать историкам. Первая из них уже отмечалась выше — постоянные технические и реже политические перебои со связью. 26 августа Чичерин фиксировал ту же самую ситуацию, которая существовала до появления в полпредстве аппарата Юза: «Положение всё более скандально, провод, даваемый нам на немецкой территории, вечно испорчен. Мы работаем урывками, когда отдыхают немцы. Если это продолжится, мы будем отнимать провод у немцев»⁷¹. К этому моменту в Москве осталось только генконсуль-

⁶⁸ Соломон Г.А. Среди красных вождей. Лично пережитое и виденное на советской службе. М., 2015. С. 58–59.

⁶⁹ РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 1132, л. 41.

⁷⁰ См.: АВП РФ, ф. 165, оп. 1, п. 3, д. 23–27.

⁷¹ Там же, ф. 82, оп. 1, п. 6, д. 31, л. 86–87.

ство, само посольство перебралось в Псков, оккупированный германскими войсками.

Второй нюанс заключался в том, что переписка по Юзу велась за редкими исключениями открытым текстом и, следовательно, становилась доступной немецкой стороне, хотя военным властям и понадобилось несколько месяцев, чтобы наладить технически надёжный процесс «съёма» информации. Это не было секретом для Иоффе («я не всё могу сказать по проводу»⁷²) и сотрудников полпредства («все наши телеграфные сношения перлюстрировались»⁷³), которые старались не допускать выдачи секретов в телеграфной переписке. Нет данных о том, что в период работы германского посольства в Москве (апрель–август 1918 г.) советской стороне удалось наладить аналогичный процесс «отбора данных» из его дипломатической переписки.

Шифровки и прослушки. При отъезде персонала полпредства из Москвы был согласован шифр, которым следовало пользоваться в служебной переписке⁷⁴. Очевидно, при этом применялись коды российского МИД, хотя большинство его сотрудников среднего и высшего звена отказались работать с большевиками. В сообщениях упоминаются шифровальные тетради, не сохранившиеся в архивах. Однако сам процесс обмена зашифрованной информацией оставался камнем преткновения в отношениях Москвы и полпредства как минимум в первые два месяца работы последнего. С одной стороны, сказывались постоянные помехи при передаче сигнала от одной радиостанции к другой, мешавшие точно фиксировать столбцы пятизначных цифр; с другой – отсутствие в аппарате полпредства квалифицированного шифровальщика.

Иоффе не доверял никому из своих сотрудников, поэтому методику расшифровки в спешном порядке осваивала М. Гиршфельд, являвшаяся его личным секретарём и любовницей (в будущем женой)⁷⁵. Согласно её позднейшим воспоминаниям, существовали «специальные шифровки», которые она «обычно прятала за пазуху. Расшифровывал их [в Москве] только один человек – сестра Ленина Мария Ильинична. Причём по прочтении обе стороны их немедленно сжигали, чтобы ничего не оставалось для архивов»⁷⁶. Не меньшие мучения вызывала у Гиршфельд и перепечатка рукописных записок Чичерина, которые привозили с собой курьеры – в машинописи появлялись лакуны и расхождения с оригиналом⁷⁷.

Нарком уделял особое внимание обеспечению секретности и постоянно упрекал полпреда в том, что тот игнорирует его указания, данные в зашифрованных телеграммах. Иоффе парировал, утверждая, что расшифрованный текст не поддаётся пониманию: депеши получил, но они лишь «частью по догадке были разобраны». 31 мая Иоффе, перечисляя полученные за месяц радиограммы, подвёл неутешительный итог: «Зашифрованные ни разу нельзя было расшифро-

⁷² Иоффе заявил об этом К. Радеку в разговоре по Юзу 27 сентября 1918 г. (РААА. RZ 201/20644/21).

⁷³ Соломон Г.А. Указ. соч. С. 64.

⁷⁴ См. письмо Чичерина от 24 апреля 1918 г.: АВП РФ, ф. 04, оп. 13, п. 70, д. 992, л. 1.

⁷⁵ Накануне отъезда Иоффе на консультации в Москву в середине августа 1918 г. Чичерин интересовался, останется ли в посольстве лицо, допущенное к шифрованию, и получил ответ от секретаря: «Все телеграммы расшифровывает Мария Михайловна, которая будет это делать и впредь» (Берлинская миссия... С. 347).

⁷⁶ Иоффе М.М. Начало // Время и Мы. 1977. № 19. С. 194.

⁷⁷ См. оригинал и расшифровку записки от 25 мая 1918 г., сделанную Гиршфельд: АВП РФ, ф. 04, оп. 13, п. 70, д. 992, л. 20–25.

вать»⁷⁸. Положение не изменилось и к августу, несмотря на утроение персонала полпредства⁷⁹. Примерно такой же была ситуация и в Москве. На пике кризиса, связанного с убийством Мирбаха и очередным ультиматумом немцев, Чичерин 16 июля в два часа ночи телеграфировал Иоффе: «В прошлый раз Вашу шифровку лишь отчасти разобрали, поэтому кроме шифровки сообщите, что можете». Ожидаемая информация должна была появиться в утренних газетах⁸⁰.

Аргумент, постоянно использовавшийся в дискуссии наркома и полпреда — «в шифровках сообщается самое важное»⁸¹ — требует известной корректировки. Полный корпус шифротелеграмм до сих пор недоступен для исследователей или вообще не сохранился. В сборнике донесений полпреда Иоффе публикуется всего несколько случайно обнаруженных шифровок, которые весьма кратки и содержат только второстепенную информацию. На этой основе его издатели делают вывод, что не найденный до сих пор корпус шифротелеграмм вряд ли заставит пересмотреть выводы современной историографии⁸².

Действительно, процесс расшифровки отнимал немало времени, что лишало их оперативной ценности, даже если отвлечься от частых помех и разночтений. Чичерин и Иоффе предпочитали использовать в открытой переписке эзопов язык, намёки и иносказания. Первый запрашивал мнение второго по щекотливым вопросам, «поскольку можно говорить по прямому проводу, не высказывая прямо таких вещей, дохождение которых до подслушивающих лиц недопустимо»⁸³.

Лишь однажды получение незашифрованной информации вызвало столь серьёзное недовольство Иоффе, что превратилось во внутриведомственный конфликт. Речь идёт о радиограмме, датированной 15 мая, в которой Москва раскрывала детали своего подхода к налаживанию экономического сотрудничества с Германией⁸⁴. Полпред посчитал, что это выбивает козыри из его рук в беседах с немецкими промышленниками и финансистами, хотя на самом деле радиограмма представляла собой типичный пример обмена уколами двух дипломатов, боровшихся за влияние на первое лицо. Ленину в очередной раз пришлось улаживать конфликт между своими соратниками: «Часть Ваших обвинений, направленных против Чичерина, падает на меня. Например, я настаивал на посылке тезисов о концессиях через немцев, дабы показать им, насколько серьёзно мы хотим деловых экономических сношений»⁸⁵.

Иногда с цейтнотом не справлялась даже электросвязь. Ввиду приближавшейся зимы Москва настаивала на скорейшем результате переговоров о поставках угля в Петроград, «нас торопили, и обо всём без стеснения сообщалось по прямому проводу. Я знал, что все наши беседы с центром были известны немцам, и, конечно, это очень затрудняло нашу задачу при переговорах»⁸⁶.

⁷⁸ Берлинская миссия... С. 165.

⁷⁹ 11 августа 1918 г. Иоффе телеграфировал в НКВД: «Шифровки разбираются немедленно, но некоторых разобрать нельзя, о чём вам немедленно сообщая» (АВП РФ, ф. 82, оп. 1, п. 10, д. 45, л. 75).

⁸⁰ Там же, п. 7, д. 28, л. 135.

⁸¹ Там же, д. 32, л. 85.

⁸² Во введении к сборнику отмечается, что из 280 исходящих телеграмм за три последних месяца работы полпредства были зашифрованы всего 13 (Берлинская миссия... С. 28).

⁸³ АВП РФ, ф. 04, оп. 13, п. 70, д. 992, л. 107.

⁸⁴ РААА. RZ 201/1727/79—81.

⁸⁵ Ленин В.И. ПСС. Т. 50. С. 79—80.

⁸⁶ Соломон Г.А. Указ. соч. С. 75.

Уязвимость телеграфного канала не позволяла использовать его для того, чтобы установить связи с европейскими социалистами, хотя на этом настаивали в Наркоминделе, выполняя в свою очередь волю руководства партии большевиков. Иоффе оставался непреклонным: «Между Германией и Голландией существует цензура. Посылать открыто от имени посольства Равенштейну, получать от него открыто телеграфную корреспонденцию посольство считает политически нецелесообразным и неудобным. До сих пор открытых сношений с европейскими товарищами посольство не поддерживало и не намерено [поддерживать] и впредь»⁸⁷. Германские полицейские власти, державшие здание на Унтер-ден-Линден под своим плотным контролем, были вынуждены признать, что прямых данных об «антиправительственной деятельности» советского полпреда не имеется»⁸⁸.

Отметим, что немецким военным инстанциям не удалось расшифровать тексты советских радиogramм и телеграмм — по крайней мере, этих расшифровок нет в германских архивах. Перехваченные открытые тексты дополняли другие источники, из которых Германия в 1918 г. получала достаточно точное представление о действиях Советской России на фронтах Гражданской войны и на дипломатическом уровне. До того момента, как аппарат Юза появился в полпредстве, немецкие дипломаты присутствовали при отправке и получении телеграмм из Москвы, сохраняя у себя контрольную ленту с текстом. Затем последовал перерыв до начала августа, после чего перехват вёлся уже непосредственно с «прямого провода»⁸⁹. Практически полный комплект открытой переписки НКВД и полпредства в переводе на немецкий язык отложился в архиве МИД, начиная с последних дней сентября. Очевидно, германская сторона технически освоила сплошной перехват⁹⁰. Он включал в себя не только документы, адресованные Иоффе, — через аппарат, находившийся в Берлине, шли телеграммы в Берн и Стокгольм, в Москву пересылались приветствия и сообщения социалистов из Швеции и других стран.

«Перехватчики» с немецкой педантичностью фиксировали время прохождения той или иной телеграммы, что позволяет сопоставить его с рабочей тетрадью Иоффе и уточнить процесс обсуждения тех или иных внешнеполитических шагов. В то же время германские дипломаты делились с полпредом информацией о передвижении войск Антанты на рубежах бывшей Российской империи, считая большевиков своими невольными союзниками. Так, полпред пересылал в Москву телеграммы германского эmissара в Тбилиси К. фон Крессенштейна, который летом—осенью 1918 г. имел наиболее полное представление о положении дел в Закавказье⁹¹. Уникальная архивная коллекция ещё не введена в научный оборот российскими историками, хотя представляет немалую ценность для исследований, посвящённых первому году советской истории.

⁸⁷ АВП РФ, ф. 82, оп. 1, п. 10, д. 44, л. 9.

⁸⁸ РААА. RZ 201/2037.

⁸⁹ Baumgart W. Op. cit. S. 341.

⁹⁰ РААА. RZ 201/20644.

⁹¹ 4 сентября Иоффе писал Чичерину: «О положении дел на Кавказе немцы постоянно передают мне все получаемые ими сведения, а я сообщаю их Вам» (АВП РФ, ф. 82, оп. 1, п. 10, д. 46, л. 19). О миссии Крессенштейна см. его дневники и воспоминания: Friedrich Freiherr Kref von Kressenstein: Bayerischer General und Orientkenner. Lebenserinnerungen, Tagebücher und Berichte 1914–1946 / Hrsg. von W. Baumgart. Paderborn, 2020.

Два телеграфных аппарата не сразу разделили судьбу членов советского полпредства в Берлине, которые после грубо сработанной провокации были спешно высланы из страны, не успев даже толком собрать свой багаж. По указанию Иоффе аппараты Юза остались на своих местах. Ввиду очевидного краха Германской империи он был уверен в том, что его вынужденное отсутствие продлится всего несколько дней. Но телеграфная связь продолжала действовать — «душеприказчик» советской дипломатической миссии левый социалист О. Кон, имевший доступ в здание полпредства, ещё несколько недель мог держать в курсе берлинских революционных событий как Чичерина, так и застрелявшего на демаркационной границе Иоффе⁹². Позже телеграфные аппараты стали заложниками в сложной процедуре возвращения имущества дипломатических миссий, и лишь после долгих проволочек германский МИД дал добро на их вывоз в Россию⁹³.

⁹² См.: *Иоффе А.А.* Германская революция и Российское посольство // Вестник жизни. 1919. № 5. С. 35–46.

⁹³ АВП РФ, ф. 82, оп. 1, п. 14, д. 59, л. 40.